

Копипаста:Срееру:Готичная — Lurkmore

Видите ли, это было странное лето.

Собственно, сейчас довольно поганая зима, я сижу через тор на доске, которая появилась еще совсем недавно, поэтому, думаю, рассказать все я смогу без особенных последствий. Так вот, это было странное лето, год не называю, не обессудьте. Мне было совершенно нечего делать дома, и я шатался по жаркому городу, унося асфальт на подметках. Домой приходил только спать, и то не всегда. Разумеется, ни девушки, ни подработки я себе не нашел, однако... нашел собеседников. Странноватая то была компания. Чистенькие юноши в тонких очочках и рубашках спокойных цветов. Девуцы с минимумом косметики и непередаваемо прекрасной для нашего блядского болта кожей. Филфак, истфак, ФИПСИ, белой вороной гляделась выученица школы искусств - ненадолго, впрочем. Они собирались за городом; в нашем миллионнике без миллиона "за городом" - очень ощутимое понятие, дома переходят в леса ВНЕЗАПНО, как вин в фэйл. Они находили полянку почище, расстилали три одинаковых клетчатых скатерти и пили сваренные тут же, на тщательно окопанном костерке, глинтвейн и непривычный мне травяной чай.

И читали. Вслух.

Читали обычно девушки, иногда даже хором, если дело доходило до имевших хоть какую-то ритмику вещей. С тертых ксерокопий на оборотах финансовых отчетов, девочки чистыми, всегда негромкими, но чуть приподнятыми голосами читали что-нибудь в стиле:

-...пусть Туннель поедом ест тех, кто есть, пусть приносятся жертвы, всегда хватало торговцев, готовых раздобыть нужный товар, причем товар этот будет не лежалый, а самого лучшего качества; мы найдем, разузнаем, разыщем все ходы и даже все выходы, какие только есть в этом мире, мы пойдем и овладеем, и тогда мир станет мостом, дорогой, по которой мы пойдем и вернемся, и никто не в силах будет помешать нам вернуться — туда, куда мы сможем и захотим... Надо же, помню еще, пальцы как сами отзываются. А если еще? Закрывать глаза и пустить пальцы вскач по черным клавишам клацать:

..далеко, далеко шагнули те, кто слишком поверил словам соблазняющего разум, они уже покинули свою колыбель, пересекли даже и реки времен и пространств, перенесаясь вслед за тем, кто обещал: величина букв в данном случае значения, пожалуй, не имеет... а если имеет — так что ж, каждому свое, *jedem das seine*, вот и весь фокус; каждый видит то, что в силах видеть, понимать и ощущать, действуя в дальнейшем по приобретенному видению, руководствуясь им и направляясь... все туда же, куда и раньше, за много веков и километров.

Да. Звуки помнятся, буквы помнятся. Хоть и было то в разные недели.

Я приходил к ним только слушать. Поначалу. Мы с парнями разводили костер, набрав сушняка, вешали котелок - простой армейский котелок, приплюснутой буквой U, на ветку покрепче и ждали, пока дамы усядутся в круг и прочтут.

Потом читали ребята - сухой пулеметной строчкой отличника они говорили о Зеботтендорфе, Гвидо фон Листе, Ланце фон Либенфельсе. Вскользь говорили о Кюммере, двое могли припомнить на память стихи фон Эшенбаха.

Ни слова о Рейхе, но многое о Мировом льде. Ни слова о расах, но многое об Агарте. Если до того мой багаж знаний на эту тему ограничивался Яровратом (хе-хе), Лазарчуком и (в лучшем случае) Абелем Поссе, то теперь...

Для них же все то, все эти литании госпожи Людендорф, были лишь разминкой.

- Разминкой для чего? - спросил я раз Алексея, старшего над историками, высокого худого пятикурсника. - Увидишь, - хмыкнул он, - двадцать девятого и увидишь. - Слушать ты мог бы и повнимательнее, - проговорила старшая над чтицами, Ольга, сухая и тонкокостная блондинка, - двадцать девятое июля - День Искупления.

Двадцать девятого мы собрались совсем недалеко от отстраиваемых предместий, в проплешине в сосновой лесопосадке, на маршруте, не пользующемся популярностью у грибников и туристов. Я и еще четверо парней покрепче принесли топоры, которыми радостно повалили немного сухостоя, после чего Даниил-философ показал нам, как сбить из напиленных поперечин широкий пятиугольник, скрепив напрочно длинными, вызывавшими в сознании слово "корабельные" гвоздями - прочее покололи на дрова.

К празднику подготовились. Девушки пришли в корсетах, столь нетипичных для этого совершенно неготического по облику кружка, мы были чисто выбриты. Дамы раздали нам вино в принесенных Леной одинаковых хрустальных бокалах - тяжелых, еще советских - и мы выпили его, когда Ольга вышла на поляну.

Видимо, она переделалась, пока мы возились с деревом. Босая, в белой ситцевой сорочке, болтавшей на ее худой фигуре - не своя? - она прошла к пятиугольнику и улеглась на него, раскинув ноги и руки. Оргии не было. Леша и Даня прибили ее к раме, к углам - ладони, потом ступни. Она орала так, что заглушала поющих девушек. Парни посматривали на меня, но... я не двигался.

Место под кострище было уже расчищено. С четыре слоя слагались дрова, полбаклашки бензина, как выяснилось, тоже запасенного заранее, было вылито туда же.

Мы подняли раму на плечи - мне на плечо и на спину лилась кровь из продырявленной левой кисти Ольги, а выла она, кажется, прямо у меня над ухом - и возложили на неразведенный костер. Девушки тягуче, неожиданно глубоко орала-пели-читали:

Тот, кто потерял путь, иди на маяк во тьме! Вызываем тебя на свет, повелеваем и молим явиться на свет! Кто исторгнут был, других исторгни! Кто пришел до - уходи, не вернись, не оглянись! Вернешься бабочкой - сгоришь! Вернешься пламенем - погаснешь! Клинком вернешься - ржа пожрет! Алексей бросил в костер немецкую зажигалку, якобы с немца в войну снятую. Он менял в ней кремень, тратился на заправку лучшим, что было... она не гасла, пока летела. Занялись дрова. Из болота зовем, с гор зовем, из пыли зовем, из пекла зовем! Вопль в небо - с неба эхо! Дескат-Зернебок, Черный! Дверь открыта, петли шатаются! Войди! Возьми! Выпей! Крик Ольги перестал быть человеческим, сливаясь с ревом пламени. А потом костер взорвался изнутри. Я припустил в лес с высокого старта, игнорируя бичующие ветки.

Довольно быстро я выбежал на трассу, вдоль которой и направился к городу, надеясь поймать кого по дороге - деньги еще были. По бокам чернел лес... Именно чернел, вместо веселых сосенок; я думал, что этого чертова пламени было все-таки многовато для моих изнасилованных монитором глаз. Придорожная пыль, казалось, обвалакивала ботинки, но хоть не вздымалась вверх облаками. Она напоминала промасленный песок, только связность была подозрительно односторонней. Кляня родимые супеси, я выбрел на асфальт - дорога была совершенно пустой, без признаков приближающегося грузовика либо даже мопеда. Асфальт добродушно чвакнул под подошвой. Я остановился и чуть нагнулся. Серая лента, убежавшая к городу, имела непривычно губчатую структуру - притом губка та была мокрая, неглубокие следы на том, что заменило асфальт, затягивались неверным зеркалом темноватой лужи. Я припустил уже бегом. На лицо упала капля, затем еще одна. Слизнув ее с уголка губы, я почувствовал насыщенный вкус, который тянуло обозвать словом "медный" - и взглянул на небо. Длинные фиолетовые тучи завитыми полосами тянулись по черному небу к невидимой пока точки впереди. Медный дождь орошал мое лицо, а я искал Солнце и не находил его меж туч.

== Читать ещё ==

- [Соси хуй, быдло](#)

Читать ещё

- [Эха](#)